

Научная статья
УДК 811/111'01
doi: 10.17223/19996195/60/5

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ «ИСПЫТАНИЕ» ПСАММЕТИХА: ОТ ОНТОЛОГИИ К КРИТИКЕ ДРЕВНЕГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Евгений Артурович Найман^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия*
^{1,2} *enyman17@rambler.ru*

Аннотация. Обосновывается актуальность обращения к древнему лингвистическому эксперименту египетского фараона Псамметиха (VII в. до н.э.), связанного с проблемой происхождения языка, и процессу овладения речи ребенком. Данный эксперимент рассматривается в контексте общепсихологических проблем происхождения языка, условности и конвенциональности языкового знака, теологических и рациональных оснований языка, врожденности и социальности человеческой речи, освоения языка ребенком. История Геродота, повествующая о детях египетского царя, рассматривается в аспекте эпигенеза, глоттогенеза, сравнительно-исторического языкознания, теории языкового обучения и когнитивной лингвистики. Доказывается, что древний эксперимент, несмотря на неприемлемость с точки зрения современных социально-этических принципов современной науки, не утратил своей актуальности и является успешным образцом использования экспериментального метода для решения проблемы непосредственного наблюдения за возникновением систем человеческой коммуникации. Анализируются теоретические предпосылки эксперимента и оценивается их валидность в свете достижений сравнительного исторического языкознания, генетики и психолингвистики. В ходе исследования отмечаются те предпосылки истории, которые разделяет современная наука, а именно: теорию языкового моногенеза, совпадение глоттогенеза и онтогенеза, наличие языкового инстинкта и др. Критика эксперимента, связанная с результатами анализа детской речи, выявляет как сильные стороны, так и его слабости. Утверждается, что мгновенный отказ Псамметиха от генеалогического мифа о первенстве египетского народа на основе единственного лингвистического контраргумента делает историю неправдоподобной с социально-политической точки зрения. Кроме того, фиксируется формально-логическая ошибка в интерпретации эксперимента, приводящая к выводу о втором месте египтян в генетической иерархии. Наряду с этим к анализу привлекаются глоттогенетические философские теории XVIII в. Вико, Кондильяка, Руссо и Гердера для интерпретации его результатов. Оценивается степень присутствия мифологического компонента в истории Псамметиха, но при этом подчеркивается интеллектуальная и научная честность его автора. В XXI в. древний эксперимент продолжает нести сложную коммуникативную нагрузку, свидетельствуя о долговечности лингвоэпистемологических вопросов. Даже если сегодняшняя лингвистическая наука знает о свойствах языка несоизмеримо больше, то ее общая методология остается той же, что была у Псамметиха и философов XVIII столетия. Она точно так же пытается строить мыслительные эксперименты на основе полученных знаний. Все гипотезы сохраняют ту же форму «сценариев», представляя собой образные конструкции.

Ключевые слова: глоттогенез, речь, язык, филогенез, онтогенез, лингвистический эксперимент, обучение языку

Для цитирования: Найман Е.А. Лингвистическое «испытание» Псамметиха: от онтологии к критике древнего эксперимента // Язык и культура. 2022. № 60. С. 82–102. doi: 10.17223/19996195/60/5

Original article

doi: 10.17223/19996195/60/

PSAMMETICHUS' LINGUISTIC TRIAL: FROM ONTOLOGY TO A CRITIQUE OF THE ANCIENT EXPERIMENT

Evgeny A. Naiman^{1,2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

² Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russia

^{1,2} enyman17@rambler.ru

Abstract. The aim of this article is to justify the relevance of the appeal to the ancient linguistic experiment of the Egyptian pharaoh Psammetichus (VII century B.C.), connected with the problem of language origin and the process of language acquisition. This experiment is considered in the context of general philosophical problems of language origin, theological and rational foundations of language, innateness and sociality of human speech, language acquisition. The Herodotus' story, which tells of the children of the Egyptian king, is considered from the aspects of epigenesis, glottogenesis, comparative-historical linguistics, the theory of language learning and cognitive linguistics. The article proves that the ancient experiment, in spite of its unacceptability from the point of view of modern socio-ethical principles of modern science, has not lost its relevance and it is a successful example of the use of the experimental method to solve the problem of direct observation of the emergence of human communication systems. The paper analyses the theoretical premises of the experiment and assesses their validity in the light of achievements in comparative historical linguistics, genetics and psycholinguistics. The study points out the assumptions of history that modern science shares, namely the theory of linguistic monogenesis, the coincidence of phylogeny and ontogeny, the presence of linguistic instinct, etc. The criticism of the experiment related to the results of the analysis of children's speech reveals weaknesses in Psammetichus' interpretation of it. The paper argues that Psammetichus' instant rejection of the genealogical myth of Egyptian primacy on the basis of a single linguistic counterargument, makes the story implausible from a socio-political point of view. In addition, a formal-logical error in the interpretation of the experiment is fixed, leading to the conclusion about the second place of Egyptians in the genetic hierarchy. Along with this, the glottogenetic philosophical theories of XVIII Vico, Condigliac, Rousseau and Herder are involved in the analysis to interpret its results. The article assesses the extent of the presence of a mythological component in the story of Psammetichus, but emphasises the intellectual and scientific honesty of its author. In the twenty-first century, the ancient experiment continues to carry a complex communicative load, testifying to the longevity of linguistic-epistemological issues. Even if today's linguistic science knows disproportionately more about the properties of language, its general methodology remains the same as that of Psammetichus and the philosophers of the eighteenth century. It is the same way it tries to con-

struct thought experiments on the basis of the received knowledge. All hypotheses retain the same form of "scenarios", representing a figurative construction.

Keywords: glottogenesis, speech, language, phylogeny, ontogeny, linguistic experiment, language acquisition

For citation: Naiman E.A. Psammetichus' linguistic trial: from ontology to a critique of the ancient experiment. *Language and Culture*, 2022, 60, pp. 82-102. doi: 10.17223/19996195/60/5

Введение

С начала своей истории человечество неизменно интересовалось происхождением языка. Способность говорить всегда считалась существенным свойством, отличающим человека от других видов. Отсюда легко понять причину пристального внимания к проблеме генезиса и эволюции речи. За этим обостренным интересом стоит уверенность в том, что разгадка феномена глоттогенеза откроет дверь в тайны самой жизни. Овладение речью детьми – один из самых интригующих процессов, изучаемых лингвистами. По этому поводу человеческое воображение создавало самые остроумные мысленные эксперименты и гипотетические сценарии. Рассказ Геродота об эксперименте (διαγίρα – испытание) Псамметиха был на протяжении 2 700 лет самым знаменитым из них.

Этот тест и сегодня не кажется наивным, поскольку вписывается в дебаты о речи как божественном даре или продукте творческих рациональных способностей человека. Кроме того, он пытается ответить на вопрос о роли врожденных факторов в изучении языка, а также зависимости его развития от процесса обучения. Наконец, «испытание» Псамметиха располагается в центре философского спора о естественной и конвенциональной природе языка. Запрет фараона на произнесение слов в присутствии детей – явное признание, что при обычных обстоятельствах язык осваивается путем подражания. А это значит, что, подобно другим социальным привычкам, он является результатом социализации. Причиной появления речи у детей, лишенных возможности ее слышать, становится их врожденный природный инстинкт.

Следует подчеркнуть, что процесс зарождения человеческой речи необыкновенно трудно описывать и анализировать. Ученые используют самые различные методы его изучения. Некоторые исследователи регистрируют речь высших обезьян, полагая что первые звуки, издаваемые человеком, похожи на их «язык». Другие обращаются к историко-сравнительным исследованиям языков для нахождения примитивных «слов-радикалов», впоследствии развившихся в полноценные естественные языки. Дело в том, что известные нам сегодня человеческие коммуникативные системы – предельный результат сложных процес-

сов, в ходе которых когнитивные способности множества людей переплетались на протяжении многих поколений, образуя многомерный набор традиционных форм поведения, разделяемых социумом.

По мнению Бруно Калатуччи, «научному пониманию таких сложных процессов очень помогли бы прямые наблюдения за возникновением систем человеческой коммуникации или, что еще лучше, эксперименты, способные объяснить способы появления и развития этих систем в контексте совместной деятельности людей. Однако, к сожалению, этому серьезно препятствуют минимальные возможности наблюдения за возникновением систем человеческой коммуникации. У сформировавшихся человеческих сообществ слишком мало потребности в создании новых систем коммуникации. По большей части они используют системы, созданные предыдущими поколениями» [1. Р. 737–738].

Однако существуют некоторые исключения, к которым относятся пиджин-системы или жестовые языки, созданные с нуля. Согласно Эрике Хофф, «идея поставить вопрос о языке, созданном мозгом, лишенном возможности изучать существующий язык, не была отвергнута» [2. Р. 9]. Сьюзан Голдин-Медоу в 1980-х и 2000-х гг. изучала системы жестовой коммуникации, изобретенные глухими детьми, родившимися у слышащих родителей. Поскольку родители детей не знали языка жестов (и им было дано указание его не изучать и не использовать), то эти дети были так же изолированы от языковой модели, как и младенцы в эксперименте Псамметиха. В этих условиях они придумывали «знаки», соединяя их в двух- и трехзначные последовательности, что свидетельствует о естественном процессе объединения символов для общения в процессе человеческого развития. Однако все эти исследования не дают возможности реализации экспериментов в контексте использования новых коммуникативных систем. В принципе, Псамметих впервые осознает эту актуальную проблему.

История вопроса и методология исследования

За долгие годы случай Псамметиха приобрел статус фольклорного. Подобно библейской истории о Вавилонской башне, рассказ о причуде египетского фараона цитировался и пересказывался во многих контекстах и обличьях. Его рецепция на протяжении веков претерпевала существенные изменения.

Несмотря на вполне серьезное отношение Геродота к эксперименту, греки воспринимали его преимущественно как анекдот. В Средние века его дискредитировали, подчеркивая неправдоподобность в свете Вавилонского смешения языков. В XVI в. жизнеспособность истории служила фоном для различных позиций в споре о первом языке

человечества. В XVIII в. к нему обращались в контексте вопроса о происхождении языка. Ученые часто использовали опыт Псамметиха в целях обоснования исторической непрерывности дискуссии по проблеме глоттогенеза. В этот же период история достаточно глубоко проникла в рассуждения философов. Каждый из мыслителей Просвещения – Вико, Кондильяк, Руссо и Гердер – рассказывают о мысленном эксперименте, в котором воображаемые субъекты создают и развивают свой первый язык. Руссо нарисовал красочную картину двух молодых пар – первых носителей языка в южном и северном климате. У Кондильяка первые создатели – пара изолированных от общества детей. Вико и Гердер поместили древнейших людей в дикие природные места, населенные животными, предположив, что первое слово стало результатом подражания звукам окружающей среды. Во всех упомянутых теориях мы не обнаружим ссылок на Геродота, но тень «отца истории», безусловно, витает над этими драматичными сценариями. По-видимому, к этому времени «дети Псамметиха» настолько интегрировались в рассуждения о языке, что читатели, держа их в уме, не нуждались в специальном напоминании.

С 1960-х гг. появление генеративной грамматики стало причиной иного прочтения истории, вдохнув в нее новую жизнь. Хомский начинает утверждать, что овладение языком является для человека врожденной способностью. Именно поэтому все попытки научить языку высших приматов, у которых отсутствует подобный физический орган речи, оказались безуспешными. Хомский рассматривает язык как физический орган, чьи конкретные грамматические «параметры» ограничены культурой, в которой рождается ребенок. Его генетический сценарий выглядел интригующе, поскольку представлял язык как самую успешную культурно транслируемую человеческую адаптивную стратегию, ставшую для людей столь же автоматической, что и плетение паутины для пауков.

В 1980-х гг. социобиология в лице Уилсона и Докинза выдвигает идею о том, что язык – это физический орган, существенно повышающий наши шансы на выживание. По достижении человеком двухлетнего возраста он наделяет его способностью использовать правила универсальной грамматики для развития востребованных культурой языков.

Еще более жизнеспособной история Псамметиха выглядела в связи с работами 1980–1990-х гг. Дерека Бикертон – автора наиболее широкомасштабной на сегодняшний день трактовки генетической перспективы. Он предлагает рассматривать язык как эволюционный побочный продукт развития мозга и генетических мутаций. Когда определенные нейронные структуры позволили проточеловекам особям извлекать смысл из воспринимаемого мира, это привело к развитию

способности представлять его с помощью жестов и звуков. В результате возник примитивный язык без синтаксиса. Следы этого досинтаксического языка, по мнению Бикертонна, можно найти в жестовом коде обезьян, обученных языку жестов, а также в языковых паттернах, демонстрируемых «детьми-волками». Переход к синтаксическому языку, по мнению Бикертонна, был неизбежным результатом эволюции. Как и любые органические изменения, произведенные нашими встроенными структурами генетической адаптации, синтаксис был создан для повышения способности к выживанию. Ни в одной системе коммуникации животных нет ничего, что хотя бы приблизительно соответствовало синтаксическому языку.

В наше время древнюю историю часто используют в популярной литературе или учебниках как свидетельство ранней озабоченности людей языковыми проблемами. Цель упоминаний эксперимента состоит в демонстрации долговечности человеческого любопытства к способам обучения детей языку ради повышения интереса читателей к данной тематике. Кроме того, во Всемирной паутине мы можем обнаружить массу ссылок на историю Псамметиха. Часто эти ссылки сопровождаются упоминанием других попыток языковой изоляции детей, приписываемых Фридриху II Сицилийскому (1194–1250), Якову IV Шотландскому (1473–1513) и Акбару Великому (могол Индии, 1542–1605). Действительно, в наши дни короткий геродотовский рассказ является инструментом интеллектуальной социализации человека в вопросах происхождения языка и особенностей его освоения.

Целью данной работы является во-первых, обобщение влияния этой истории на развитие лингвистики и философии на протяжении долгих веков, а во-вторых, ее всесторонний критический анализ в современной лингвистической литературе. В исследовании используется метод «als ob», рассматривающий эксперимент «как если бы» он был совершенно подлинным, а результаты – абсолютно реальными. Сам топос фараона-экспериментатора рассматривается как успешное описание применения экспериментального научного метода. Богатое наследие этой истории оценивается с различных точек зрения: этнографической, исторической, лингвистической и философской.

Исследование и результаты

1. Эксперимент и его теоретические предпосылки. Действие рассказа относится к исторически реальному правлению Псамметиха I, царствовавшего с 663 по 609 г. до н.э., а также положившего начало XXVI династии. Главная цель расследования фараона была этнографической, а не лингвистической. Другими словами, египетский царь хотел определить самую древнюю человеческую группу в мире на основании

лингвистических данных. Однако этнографический контекст давно забыт, а на первый план выдвинулась сугубо лингвистическая проблема, связанная с вопросом об историческом первенстве определенного языка. Существенно и то, что во времена Псамметиха древнейшим народом и языком признавался египетский.

В этой связи определимся с исходными теоретическими предпосылками «испытания». Как подчеркивает известный комментатор Геродота Алан Ллойд, «линия мысли, определяющая эксперимент, не очень ясна. Если свести ее к силлогизму, то она может выглядеть так: 1. Самые древние люди будут говорить на самом древнем языке. 2. Х – самый древний язык. 3. Говорящие на Х – самые древние люди» [3. Р. 5]. Египетский царь предполагает, что существовал народ – носитель первого языка, после которого появились все остальные народы и языки. Этот первый язык был единственным, уникальным, неизменным и используемым по сей день.

Другими словами, Псамметих не представлял себе древнейший народ, лишенный какого-либо языка, и не допускал мысли, что изолированные младенцы не смогут произносить слова. Скорее всего, Псамметих был убежден, что язык является врожденным по причине его божественного происхождения. В этом смысле эксперимент выступает «одним из самых ярких из всех существующих примеров теории “врожденного” языка» [4. Р. 217], который, при отсутствии внешних воздействий, доступен людям «по умолчанию». В конечном итоге Псамметих уверен, что изолированные дети овладеют языком самых древних людей в мире, а употребление в детской речи хотя бы одного слова подтвердит факт его освоения.

Какие из предпосылок Псамметиха мог бы разделить современный ученый? Многие из них согласились бы с мнением египетского царя о существовании протоязыка и необходимости его изучения. Однако направление их исследований явно противоположно программе древнего эксперимента. Протоязык в современной лингвистике, выросшей из компаративистики XIX в. и методов Сводеша, реконструируется на основе сравнительно-исторического материала. Псамметих и греки не имели представления о генетическом родстве языков и не признавали исторические этапы их развития. Современные лингвисты продвигаются все глубже к «корням» протоязыка, названного «ностратическим». Путем его кропотливого сравнения с языками предков из Африки, Юго-Восточной Азии, Австралии и Америки им удастся частично реконструировать человеческий язык в том виде, в котором он был впервые произнесен 100 тыс. лет назад. В результате этого моногенез становится не только правдоподобной, но и научно проверяемой гипотезой.

Согласно ностратической теории, и древнеегипетский, и фригийский языки принадлежат к ностратическому суперфили. Египетский

относится к афро-азиатскому филу, а фригийский – к индоевропейскому. Конечно же, нынешние ученые, в отличие от Псамметиха, не ожидают, что на первом языке люди говорят и сегодня. В наши дни все описания языковой вариативности основываются на предположении о подверженности любого разговорного языка временным изменениям. Древние мыслители считали, что такие изменения непременно приводят к деградации языка и их, по возможности, лучше избегать. Таким образом, происхождение языка и смешение языков рассматривались как противоположности. Согласно же современной концепции, все языки (за исключением редких креолов и смешанных языков) являются результатом как мутирующей унаследованной традиции, так и языкового заимствования.

Ранее этнографы связывали фригийцев с лидийцами, фракийцами, армянами, мисийцами и другими народами Анатолии. Современные лингвисты относят фригийский язык к иной ветви индоевропейской семьи, нежели лидийский и ликийский, которые вместе с другими древними языками, такими как хеттский и лувийский, образуют подсемью, известную как анатолийская ветвь. Таким образом, фригийский язык, наряду с греческим и армянским, является членом «ядерной» индоевропейской семьи, содержащей и другие индоевропейские языки. Действительно, современный лингвист может многое рассказать о предыстории фригийского языка и его месте в индоевропейской семье, а также предоставить информацию о региональных языках, с которыми сталкивались фригийцы.

В настоящее время с помощью компьютерных технологий компаративисты имеют возможность сканировать тысячи слов, почти мгновенно устанавливая лексическое родство между многочисленными языками и создавая точные алгоритмы для отображения их фонетических соответствий. Впервые появилась реальная возможность иметь перед глазами протолексикон человеческого языка, который можно оценивать, обсуждать, изменять и использовать для создания различных гипотез по поводу его происхождения. По сути, в наши дни лингвистика проникает в прошлое человечества глубже, чем самые древние письменные источники.

К этому стоит добавить, что некоторые исследователи в настоящее время пытаются изучать связи между древними народами и прото-языками. Ученые построили генетическое родословное древо человечества, в котором люди сгруппированы в соответствии со сходством их ДНК. Эти группы людей, установленные на основе генетических исследований, довольно близко соответствуют предложенным группам языков, когда коррелируют с семейным деревом: похоже, ветви гипотетического языкового древа соответствуют основному расовому делению человеческого рода. Это, конечно же, не означает, что гены имеют

какую-либо внутреннюю связь с конкретными языками или гены ребенка определяют язык, на котором он будет говорить. Эта точка зрения была опровергнута еще греками. Соответствие между генетическим и языковым древом просто указывает на то, что в процессе миграции люди «забирают» с собой и гены, и родной язык. Тем не менее концепция соответствия генетического древа и языковых семей является весьма спорной и неоднозначной.

Далее Псамметих не сомневается, что дети в его эксперименте будут говорить на языке: он считает конкретный язык врожденным для человека. Невзирая на то, что ни один современный ученый не примет идею изначального присутствия в человеке какого-либо конкретного языка, большинство согласится с наличием некой врожденной языковой предрасположенности. В настоящее время существование языкового гена или языкового инстинкта является весьма спорным тезисом. Одни исследователи утверждают, что овладеть языком позволяет врожденный языковой орган человека. Другие пытаются объяснить быстроту освоения детьми языка правилами универсальной грамматики, лежащими в основе всех (синтаксических) случаев конкретных человеческих языков и являющимися частью «аппаратного обеспечения» человеческого мозга.

Некоторые лингвисты подчеркивают роль интеллектуального метода проб и ошибок в процессе овладения языком. Спектр мнений по поводу речевой способности очень широкий: от признания ее практически полностью культурной до почти целиком биологической. Возможно, Пинкер являлся самым явным сторонником лингвистического инстинкта, а Хомский выступал за универсальную грамматику. Большинство нынешних исследователей отдают предпочтение биологической точке зрения. К примеру, Джин Маргарет Эйчисон утверждает, что человеческий язык является примером «врожденного управляемого поведения, в котором общие рамки и механизмы обучения предоставляются природой, а детали заполняются опытным путем» [5. Р. 37].

Необходимо отметить еще одно важное допущение Псамметиха, утверждающего аналогию между развитием языка у изолированных младенцев и его эволюцией в истории человеческого рода. Другими словами, дети в процессе овладения языком проходят тот же путь, что и древний человек. Нужно сказать, что к этой идее современная лингвистика относится вполне положительно. Предпосылка эксперимента, что «в хронологически сжатом виде онтогенез языка повторяет его филогенез, вероятно, является правдоподобной. На самом деле, традиционные глоттогенетические теории всегда имплицитно формировались под ее влиянием, а некоторые современные научные подходы приняли ее в качестве рабочего принципа» [6. Р. 5].

Тем не менее разница между подходами Псамметиха и современным исследователем, конечно же, существует. Если царь ожидает, что дети будут просто говорить на первом языке древних людей, то современные ученые наблюдают за детьми ради изучения этапов развития ранней речи. Их интересует, каким образом малыши издают звуки, чтобы привлечь внимание, попросить о чем-то, описать ситуацию еще до осознания ими механизма именования объекта: «Формы первых звуков речи полностью зависят от физиологических фактов, и мы, знакомые с биологической доктриной о том, что история человека в значительной степени повторяется в развитии плода и ребенка, можем с полным основанием ожидать, что первые звуки речи детей – это первые звуки речи человека» [7. Р. 201]. Наконец, в настоящее время научное сообщество не согласилось бы с гипотезой Псамметиха о вербальном характере первого человеческого языка. Большинство полагает, что первым появился жестовый язык. Здесь нужно учитывать, что в классическом греческом языке сами слова, используемые для обозначения языка (такие как «логос»), указывают на синонимичность языка и речи.

Приступим к описанию эксперимента. Прежде всего бросается в глаза его тщательное планирование. Псамметих привлекает не имеющих речевых навыков новорожденных детей. У детей (мы не знаем их пола) отсутствуют какие-либо генетические или физиологические особенности, способные повлиять на эксперимент. Скорее всего, они были взяты у бедных родителей, поскольку богатые вряд ли пожертвовали бы своими чадами ради любопытства. Псамметих приказал пастуху не произносить никаких звуков и слов в присутствии детей. Другое дело, что издавать звуки не было запрещено козам, которых дети могли слышать. Хижина, в которой они жили, имела дверь, которую пастух периодически открывал. Греки сразу же догадались, что именно бляение животных вдохновило младенцев на первое слово.

К сожалению, нам ничего не известно о поведении пастуха. Каким образом он заботился о детях помимо кормления козьим молоком? Купал ли он их, одевал ли, обнимал или играл с ними? Дело в том, что эмоциональные отношения являются важным фактором в овладении языком. Лингвисты отмечают, что «материнский язык» обладает особыми качествами, облегчающими обучение речи. Для ребенка, выросшего в любящей семье, слово одновременно становится основой его общения, материалом социальной жизни и организующим принципом мышления.

Итак, по прошествии двух лет пастух посетил младенцев, которые, протянув к нему руки, произнесли слово – *βεκος*. Затем в хижину был приглашен сам Псамметих, и в его присутствии дети сделали тоже самое. Выяснилось, что данное слово существовало во фригийском языке и означало «хлеб». Таким образом, первым языком на земле был

признан фригийский, а говорившие на нем получили право называться древнейшими людьми.

Интересно, что в рассказе Геродота мы не видим, чтобы пара детей разговаривала друг с другом. К пастуху обращается каждый ребенок, жестикулируя и произнося слово «бекос». Если, как считает Псамметих, язык действительно врожден и не зависит от внешних воздействий, то даже одного испытуемого было бы достаточно для изобретения первого слова. Возможно, Псамметих использовал двух младенцев для того, чтобы проверить результат дважды, или полагал, что наличие двоих детей создавало минимальную модель сообщества, стимулирующего общение.

Кстати, слово «бекос» оставило свой след у гораздо более поздних мыслителей. От этого слова фламандский врач Ян ван Горп (1518–1572), вдохновленный рассказом о Псамметихе, взял себе латинизированное прозвище Беканус. Он считал, что первым языком в мире был фламандский (так называемая скифская гипотеза), отметив близость слова «бекос» фламандскому «беккер», обозначающему пекаря. Таким образом, Иоганн Горопиус Беканус включил результаты Псамметиха в вопрос о первенстве фламандского языка над остальными.

2. Критический анализ эксперимента. Как отмечает Эрнст Каспари, «в наше время мы бы не согласились с таким выводом и не ожидали бы, что у детей, воспитанных таким образом, разовьется человеческий язык или даже нормальная человеческая ментальность» [8. Р. 51]. Ожидание, что изолированные дети однажды заговорят на естественном языке и он будет самым древним, сегодня кажется безнадежно наивным. Мы знаем, что человек не рождается сразу же «человеком». Первый случай «ребенка-волка» был зафиксирован уже в 1344 г. С тех пор было зарегистрировано около пятидесяти случаев детей, выращенных в дикой природе или лишенных социальных контактов. И все они не дают никакого подтверждения выводам Псамметиха. Попытки привить таким детям язык не увенчались успехом. Они не проявляли никаких признаков его употребления, хотя каким-то образом сопоставимых с людьми, выросшими в нормальных условиях. Двумя наиболее успешными случаями признаны Каспар Хаузер и Джинн (1977), которым все же удалось развить зачаточную способность понимать простые вербальные сообщения и заявлять о своих потребностях.

По убеждению Хьюза, «воображаемый эксперимент с Псамметихом, затрагивающий всех младенцев нашего вида (и устраняющий взрослых, при этом позволяя им выжить и вырасти), скорее всего, вернул бы гоминидов к исходной точке, несмотря на превосходные кортикальные и костномозговые адаптации, которые развили для нас наши предки» [9. Р. 488]. И далее: «Я сомневаюсь, что потомство потенциальной пары или группы современных *Homo sapiens*, защищенных от

любого контакта с действующей языковой системой, смогло бы заново изобрести речь менее чем за множество тысяч поколений» [9. Р. 493].

Марсель Данесси с легкой снисходительной иронией отмечает: «Состоялся ли вообще этот “эксперимент” – исторический открытый вопрос. Но даже если бы и состоялся, он конечно ничего бы не доказал. Скорее всего, лепетные звуки, издаваемые детьми Псамметиха, были истолкованы, или, точнее, неверно истолкованы пастухом и Псамметихом как слово “бекос”, вероятно точно так же, как родители обычно неверно истолковывают первые звуки, издаваемые своими детьми, как настоящие слова» [6. Р. 5].

Томасон предлагает мысленный эксперимент для проверки теории генетической предрасположенности детей к изучению конкретного языка: «Возьмем младенца, родившегося у родителей с совершенно однородным одноязычным языковым фоном, восходящим, скажем, к десяти поколениям; заберем ребенка при рождении и поместим его к приемным родителям, чей собственный язык и язык всего окружающего сообщества (насколько могут судить лингвисты) совершенно не связан с языком биологических родителей и предков ребенка. Лингвисты предскажут, что ребенок выучит язык своей приемной общины так же быстро и легко, как он/она выучил бы язык биологических родителей» [10. Р. 248–249].

Думается, что нет необходимости обращаться к этической стороне эксперимента как «запрещенного». Многие современные ученые обвиняют фараона в бесчеловечности и жестокости, неприемлемых для научного поиска. Применять современные критерии научного исследования и этически дискредитировать человека далекой от нас культуры есть акт сомнительного исторического эгоцентризма.

Продуктивный анализ эксперимента Псамметиха приходит со стороны исследователей, изучающих детскую речь. Прежде всего, возникает важный вопрос: каковы могли быть первые звуки речи, которые способны произнести младенцы? Как отмечает Даймонд, «дети, как и первобытные люди, рождаются полностью лишенными способности говорить, и они должны научиться координировать и настраивать голосовые органы для производства речи и языка» [7. Р. 201]. Первые звуки, произносимые ребенком, – самые простые и легко произносимые звуки, требующие минимальной координации голосовых органов. Это – звуки, просто использующие поток воздуха при дыхании и сжатие губ при грудном вскармливании. Таким образом, возникают звуковые комплексы, состоящие из повторяющихся губных согласных -м, -б, -п и гласного -а. Например, «мама», «баба», «папа». Такие комплексы обозначают людей, которых ребенок видит чаще всего, т.е. мать и отца. Скорее всего, они не зависят от социальной традиции, поскольку присутствуют почти во всех известных мировых языках. Также первые

звуки детерминированы окружающей средой; ребенок подражает как людям, так и животным.

Из этого следует, что младенцы в эксперименте Псамметиха могли произносить лишь примитивные бессмысленные звуки, такие как -ма, -ба, -па, а также их сочетания. И тогда, если верить истории Геродота, первым звуком младенцев был бы «бе». От этого примитивного слога до слова «бекос» довольно далеко. Можно даже сказать – громадный скачок. В принципе, произнесение самого звука «бекос» не является каким-то ошеломительным результатом эксперимента. Однако возникает другой вопрос: почему пастух решил, что произнесенное детьми – это именно слово (а не простое бубнение, например), и тут же позвал Псамметиха удостовериться в этом? По-видимому, это пришло ему в голову, поскольку эти звуки сопровождались жестом. Дети не просто произносили слово, но и протягивали к пастуху руки. Эти движения означают попытку что-то передать при помощи издаваемого звука. Аргумент о жестовой основе первого языка продолжает пользоваться поддержкой у современных лингвистов. На более поздней стадии бессмысленные вокализации совместно с жестами стали дифференцированными, а звуки превратились в символы значений.

Тем не менее возникает еще один вопрос: почему наряду с пастухом фараон также интерпретировал «бекос» как осмысленное слово? Каким образом он понял, что дети используют фригийское слово, обозначающее «хлеб»? Ведь невозможно представить, чтобы дети, выросшие в одиночестве, могли произнести какое-то известное слово на фригийском или любом другом существующем языке. Откуда бы у них взялось знание о нем? Их знакомство с понятием «хлеб» не менее проблематично. Что означает «хлеб» для ребенка, который, согласно условиям эксперимента, никогда его не видел и не пробовал? Ведь дети питались исключительно козьим молоком. Уже комментаторов эпохи Возрождения тревожил вопрос: а можно ли использовать слово, не зная понятия, на которое оно указывает? У изолированных детей должна отсутствовать способность употреблять слова при отсутствии когнитивных инструментов, необходимых для соотнесения их с объектами.

Как отмечают лингвисты, «одним из плодов когнитивной революции стало общее признание предположения о том, что развитие языка онтологически... облегчается наличием примитивной концептуальной системы, в которой понятия и языковые единицы находятся примерно в соответствии один к одному. В случае с детьми, приобретающими свой первый язык, ситуация обусловлена тем, что язык, используемый взрослыми в окружающей среде, уже настроен на разделение мира таким образом, чтобы придать ему когнитивный и культурно-экологический смысл» [11. Р. 169]. Однако ни один взрослый человек для младенцев Псамметиха не разделил мир подобным образом.

Кроме того, вполне может быть принята и другая интерпретация результата. Двое детей совместно произносят слово «бекос», а их общение могло напоминать обмен репликами между близнецами, способными заниматься фонетической игрой и разговаривать друг с другом на каком-то непонятном для посторонних индивидуальном языке. К примеру, такой гипотезы придерживается Дейл Кристалл: «Несомненно, они начали лепетать друг с другом естественным и повторяющимся образом подобно близнецам, и это был один из “обрывков”, который уловил пастух» [12. Р. 290].

Мы уже отмечали, что для детей, воспитывающихся в нормальных условиях, слова не являются первым этапом развития языка. Младенцы сначала лепечут бессмысленные звуки, а затем создают осмысленные высказывания в виде отдельных слов, которые функционируют не как имена, а как голофразы или однословные предложения. Они могут служить выражением вопроса, заявления или команды, а жесты и интонация помогают улавливать их значение. Лишь впоследствии они начинают использоваться как настоящие слова: существительные, прилагательные, глаголы и т.д. «Бекос» вполне может считаться такой голофразой, использованной детьми для составления элементарной схемы окружающего мира.

К примеру, младенцы были в силах создать голофразу, относящуюся к доставке еды. Возможно, дети Псамметиха, знакомые только с козьим блеянием, произнесли слово «бекос» для обозначения самого важного события в их жизни – визита кормильца. Вполне вероятно, что они не просто имитировали звуки животных, а их первое слово могло обозначать целую картину мира, связанную с козами. Оно способно указывать на молоко или самого пастуха. Когда младенцы бросались к старику со словом «бекос», то могли заявлять о своем нетерпеливом ожидании приема пищи. «Бекос» могло обозначать: «Давай молоко, скорее!», «Прекрасно, у нас скоро будет молоко!» или «Вот идет человек с молоком». Возможно, дети хотят уведомить, что в двухгодичном возрасте им уже недостаточно молочной пищи и они готовы потреблять приготовленную еду, превращаясь в полноправных членов цивилизованного сообщества. Не исключено, что младенцы призывают пастуха быть внимательным и общительным по отношению к ним. На самом деле мы можем приписать детскому слову множество различных значений, интерпретируя его в качестве голофразы. Протягивание рук усиливает однословное послание: движения служат и своеобразным вокативом (приветствием пастуха), и средством обращения к нему. Современные исследователи утверждают, что первобытный человек мог использовать различные звуки – чмоканье губами, подражание природным звукам, рычание – создавая при этом протослова, еще далекие от именованной вещей. Осознание процесса име-

нования может привести к большому скачку в изучении слов и называнию предметов.

Философы XVIII в., размышлявшие над первым человеческим словом, могли бы интерпретировать данное событие с разных точек зрения. Французский философ Кондильяк рассказывает первую просветительскую историю о происхождении языка как часть общей истории восхождения человека от восприятия к Разуму. Его рассказ представляет собой мысленный эксперимент в манере Псамметиха. Он представляет себе двух одиноких детей, оказавшихся в пустыне. Вначале они развивают основные интеллектуальные операции, разделяемые и другими животными. Затем, в один прекрасный день, первый ребенок не может достать желанный предмет и кричит, а второй, движимый жалостью, приходит ему на помощь. Жест и сопутствующий крик становятся первым добровольно созданным знаком. Именно в этот момент зарождается эволюция человеческого семиозиса: жест трансформируется в танец, а крик – в слова.

Соответственно, в случае Псамметиха Кондильяк связал бы «бекос» с мольбой о помощи. Дети обращаются к пастуху за помощью с целью получить желаемую пищу. Для Руссо жалость – продукт более позднего развития человеческого существа. Для него человек на своей ранней стадии – одиночка, а развитие интереса к другим людям требует эволюционного шага. Только в момент появления чувства любви возникает язык. Затем любовь, при особых обстоятельствах, может трансформироваться в чувство жалости. Поэтому Руссо посчитал бы, что дети обращаются к пастуху с призывом: «Полюби меня!», желая получить нежность и ласку. Вико, считая первое слово оноματοпоэтическим, связал бы его с подражанием блянию животных, а Гердер утверждал бы, что детей настолько ошеломило бляние коз, что они признали их существование и выразили готовность назвать их по имени. Немецкий философ меняет приоритеты, рассматривая язык прежде всего как инструмент познания. Звук голоса и коммуникация добавляются позже, на втором этапе, после первоначального познавательного акта.

Итак, в любом случае Псамметих, прибывший в хижину, вполне мог услышать слово «бекос», особенно если он немного знал фригийский. Однако несомненный интерес представляет предполагаемая интерпретация фараоном и его соотечественниками результата эксперимента. Трудно представить, чтобы в египетском языке, столь богатом на конкретные имена, не существовало слов, которые можно было бы услышать так же легко, как странное слово «бекос» в первых звуках младенцев. Современные лингвисты отмечают, что «бекос» звучит очень похоже на египетское слово. И Псамметих должен был это заметить и воспользоваться для доказательства превосходства своего наро-

да и его языка. Какими бы ни были эти звуки, они послужили бы лишним доказательством древнейшего происхождения египтян. Возникает вопрос: почему египтяне с такой легкостью отказываются от своего генеалогического мифа? Ведь мы прекрасно знаем, насколько подобные мифы устойчивы в коллективной памяти людей. Вопросы генеалогии являются важнейшим механизмом утверждения государственной идеологии. Логика Псамметиха выглядит неправдоподобной именно с социально-политической точки зрения.

Кроме того, целый ряд исследователей указывают на бросающуюся в глаза формально-логическую ошибку Псамметиха. До эксперимента египтяне считались первым народом на земле, а после начали называть себя «вторым». Однако из того, что фригийцы древнее египтян, отнюдь не следует, что египтяне должны быть старше всех остальных народов, кроме фригийцев. С помощью эксперимента невозможно выделить претендентов на второе место. Похоже египтяне настолько не желали отказываться от своего предполагаемого приоритета, что просто утешали себя вторым местом. При этом они считали свой язык независимым от фригийского, а объяснять его происхождение не собирались.

С одной стороны, геродотовская история глубоко мифологична. Ее действующие лица – царь и пастух. Фигура царя напоминает божественные фигуры Кроноса и Зевса Гесиода в его «Трудах и днях» и «Теогонии». Пастух является постоянным персонажем мифа, в котором принимает и часто воспитывает брошенного ребенка. Примеров достаточно: Лай отдает новорожденного ребенка пастухам; Форбас – пастух царя Коринфа – находит ребенка и приносит жене царя, которая его усыновляет; Парис – сын Гекубы – найден и воспитан пастухами; пастухи воспитывают близнецов амазонки Антиопы – дочери фиванского царя, и т.д. Пастух одновременно близок природе и принадлежит цивилизации. С одной стороны, живет в пустыне, ухаживая за домашними животными, с другой – связан с дворцом царя. В этом смысле в истории Псамметиха единственная пища, разрешенная для питания, – молоко – сближает человека и животное. Можно вспомнить легенду о козе Амалтее, вскормившей Зевса, укрывшегося от своего отца на острове Крит («Теогония»).

С другой стороны, мы имеем дело с первым зарегистрированным экспериментом по изучению языка, первым психолингвистическим экспериментом, первым исследованием происхождения языка, которому свойственно серьезное научное предвидение. Не случайно героем истории является Псамметих, чья тяга к экспериментам была хорошо известна, а проведенное им «испытание» доказывает наличие у фараона научного таланта. «Испытание» Псамметиха широко известно далеко за пределами исторических дисциплин. В социологии

оно упоминается как первый пример использования экспериментального метода при изучении социальных явлений, а в психологии – как прообраз исследования роли наследственности и окружающей среды в развитии индивидуума.

В литературе встречаются различные мнения по поводу теоретических оснований эксперимента. К примеру, для Аллана Ллойда сама идея такого исследования является греческой, в частности ионийской. Согласно Ллойд, эксперимент основан на двух базовых идеях, разделяемых не только Геродотом, но и всем V веком: «1. Теория детерминизма окружающей среды, допускающая, что если воспроизведутся условия, в которых жили первые представители человеческого рода (то есть в состоянии безмолвия), то они создадут в точности тот же язык, что и их предки. 2. Идея линейного представления о человеческой истории, при которой один язык был изобретен, а другие произошли от него» [3. Р. 5].

Однако Антони Сулек полагает, что эти обстоятельства, свидетельствуя в пользу греческого происхождения истории Геродота, вряд ли могут служить доказательством. Сулек ссылается на немецкого исследователя Аарно Борста, который заметил еще одну предпосылку, связанную с отождествлением языка и нации [13. Р. 648]. Греки же подобный тезис не разделяли. Ясно, что Псамметих как царь Египта и важная фигура в ее истории первого тысячелетия до нашей эры обязан был интересоваться генеалогией своего народа. Царь во многом способствовал объединению территории, разделенной до этого местными князьями. Псамметих положил начало так называемому саисскому ренессансу – возрождению экономики и национального духа. Одной из характерных черт правления Псамметиха было восхищение далеким прошлым и величием Египта; другой чертой – открытие Египта для греков: именно во время его правления в Египте впервые проявилось греческое культурное влияние. Приток иностранцев мог вызвать национализм среди коренных египтян и усиливать культ египетского прошлого. В таком случае генеалогические интересы Псамметиха полностью соответствовали духу времени. Кроме того, его исследование напоминало исследование историка: «Подобно тому как Геродот оспаривает идею эллинского превосходства и приоритета, Псамметих делает то же самое в отношении приоритета египтян над всеми остальными народами» [14. Р. 185]. Возможно, именно по этой причине Геродот проявлял такой интерес к этому материалу.

Если рассматривать методологию «испытания», отбросив его этические оценки, то она вполне серьезна и научна. Псамметих пытается решить сложную научную проблему с помощью открытого и контролируемого опыта. Поведение Псамметиха-экспериментатора демонстрирует исключительную честность. Царь отказался от столь

важного для себя и египтян убеждения под влиянием одного-единственного эмпирического контраргумента. Он был в состоянии прибегнуть к различным лазейкам, услышав в речи младенцев родное, а не чужеродное слово. Псамметих мог опровергнуть эксперимент, указав, что «бекос» – это не естественный, а имитированный звук. Он также был способен заявить о недостаточности одного-единственного эксперимента для вынесения вердикта о происхождении народов. Ведь современные экспериментаторы часто склонны предвзято интерпретировать неоднозначные результаты своих исследований для доказательства собственных гипотез. Когда результаты явно противоречат гипотезам, они утверждают, что условия экспериментального контроля не были выполнены, а исследование недействительно. На фоне этого интеллектуальная честность Псамметиха поражает: «Он мог бы стать покровителем современных экспериментаторов не только благодаря своей изобретательности, но и честности. Если сохранились его бюсты и статуи, то они должны стоять в кабинетах лабораторий социальных наук» [13. Р. 651]. Однако, несомненно, называя историю «экспериментом», а его автора предшественником науки о языке, мы в значительной степени совершаем модернизацию, сокращая дистанцию между прошлым и настоящим.

Заключение

На протяжении веков споры о языке как отличительном признаке человечества часто сводились к тому, является ли он божественным даром или уникальным достижением человеческого разума. Первая позиция была теологической, а вторая отстаивается западной философией и наукой со времен Древней Греции. Именно в период развитой греческой культуры окончательно сформировалось дискуссионное поле вокруг противопоставления религиозного и рационального объяснения глоттогенеза. Предпосылка греческой мысли состояла в том, что язык является исключительным изобретением человека (о чем свидетельствует «Кратил» Платона). Сценарий истории Псамметиха служит убедительным аргументом в пользу этого представления. Однако в этой истории можно узреть и следы теории божественного происхождения языка, поддерживаемой египтянами. На основании ее можно утверждать, что дети имеют врожденные языковые способности, которыми их наделило божественное существо. Кроме того, биологическая природа детей в конечном итоге могла породить речь как продукт адаптивных изменений в генетической структуре. И, наконец, возможно предположить, что младенцы (через многие поколения) в конечном счете изобретут речь и создадут условия для возникновения культуры.

Иными словами, история Псамметиха, снимая противоречия между теологическим и рациональным объяснением происхождения речи, заставляет думать, что язык одновременно присутствует как в биологической, так и социокультурной природе человека. Именно генетическая парадигма делает биологическое основным пусковым механизмом языка в человеческом организме, а культура рассматривается как исходный контекст для возникновения языка, а затем как канал для его преемственности и развития.

Рассказ Геродота передавался на протяжении всей истории западной науки о языке. Причины для этого были в каждый период совершенно разными. Ею интересовались историки, этнографы, социологи, психолингвисты, когнитивисты и философы. В XXI в. она продолжает нести сложную коммуникативную нагрузку, свидетельствуя о долговечности лингвоэпистемологических вопросов. Если сейчас, по прошествии стольких веков после Псамметиха и Геродота, вновь возникает интерес к происхождению языка, то он, скорее всего, связан с постоянным критическим переосмыслением мифа.

В любом случае недопустимо пренебрежительное отношение к подобным событиям или гипотезам, несмотря на проблему их подлинности. В свое время философы и ученые проявляли огромное уважение к библейским повествованиям, поднимая правильные вопросы и давая разумные ответы на основе имеющихся знаний. Они использовали свои знания об истории языка, жизни и общества, чтобы строить предположения о доисторическом прошлом. Даже если современная лингвистическая наука знает о свойствах языка несоизмеримо больше, то ее общая методология, в сущности, остается той же, что была у Псамметиха и философов XVIII столетия. Она точно так же пытается строить гипотезы на основе полученных знаний. В них не участвуют фараоны, бляющие козы, дети в пустыне, влюбленные на необитаемом острове. Однако, несмотря на то что использование достижений многочисленных наук (археологии, нейробиологии, палеографии, антропологии, психолингвистики, психологии и т.д.) позволило в дискуссии о происхождении языка впервые сформулировать четкие научные вопросы и составить весьма конкретную исследовательскую программу, все наши гипотезы и по сей день сохраняют ту же форму «сценариев», а значит – образных конструкций. Именно они служили и будут служить важнейшим эвристическим инструментом новых открытий в науках о жизни.

Список источников

1. *Galatucci B.* An Experimental Study of the Emergence of Human Communication Systems // *Cognitive Science* 2005. № 29. P. 737–767.
2. *Hoff E.* Language Development. Belmont, Calif. : Wadsworth, 2001.

3. **Lloyd A.B.** Herodotus Book II Commentary 1-98. Leiden, New York, Koln, 1994.
4. **Robinson T.M.** Contrasting Arguments An edition of the Dissoi Logoi. Salem, New Hampshire : Ayer Publishers, 1979.
5. **Aitchison J.** The seeds of speech: language origin and evolution. Cambridge University Press, 1996.
6. **Danesi M.** Vico, Metaphor, and the Origin of Language. Bloomington, Ind. : Indiana University Press, 1993.
7. **Diamond A.** The History and Origin of Language. London, 1959.
8. **Caspari E.** Genetic Endowment and Environment in the Determination of Human Behavior: Biological Viewpoint // American Educational Research Journal. 1968. № 5 (1). P. 43–55.
9. **Hewes G.** The Current Status of the Gestural Theory of Language Origin // Origins and Evolution of Language and Speech. New York, 1976. P. 482–504.
10. **Thomason S.G.** Thought Experiments in Linguistics // Thought Experiments in Science and Philosophy. Savage, Md. : Rowman & Littlefield, 1991. P. 247–57.
11. **Stokoe W.C., Marschark M.** Signs, Gestures, and Signs. Oxford ; New York, 1999. P. 161–181.
12. **Crystal D.** The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge University Press, 1997.
13. **Sulek A.** Experiment of Psammetichus: Fact, Fiction, and Model to Follow // Journal of the History of Ideas. 1989. Vol. 50, № 4. P. 645–651.
14. **Matthew R.** Christ Herodotean Kings and Historical Inquiry // Classical Antiquity. 1994. Vol. 13, № 2. P. 167–202.

References

1. Galatucci B. (2005) An Experimental Study of the Emergence of Human Communication Systems // Cognitive Science. 29. pp. 737–767.
2. Hoff E. (2001) Language Development. Belmont, Calif. : Wadsworth.
3. Lloyd A.B. (1994) Herodotus Book II Commentary 1-98. Leiden, New York, Koln.
4. Robinson T.M. (1979) Contrasting Arguments An edition of the Dissoi Logoi. Salem, New Hampshire : Ayer Publishers.
5. Aitchison J. (1996) The seeds of speech: language origin and evolution. Cambridge University Press.
6. Danesi M. (1993) Vico, Metaphor, and the Origin of Language. Bloomington, Ind. : Indiana University Press.
7. Diamond A. (1959) The History and Origin of Language. London.
8. Caspari E. (1968) Genetic Endowment and Environment in the Determination of Human Behavior: Biological Viewpoint // American Educational Research Journal. 5 (1). pp. 43–55.
9. Hewes G. (1976) The Current Status of the Gestural Theory of Language Origin // Origins and Evolution of Language and Speech. New York. pp. 482–504.
10. Thomason S.G. (1991) Thought Experiments in Linguistics // Thought Experiments in Science and Philosophy. Savage, Md. : Rowman & Littlefield. pp. 247–57.
11. Stokoe W.C., Marschark M. (1999) Signs, Gestures, and Signs. Oxford ; New York. pp. 161–181.
12. Crystal D. (1997) The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge University Press.
13. Sulek A. (1989) Experiment of Psammetichus: Fact, Fiction, and Model to Follow // Journal of the History of Ideas. Vol. 50 (4). pp. 645–651.
14. Matthew R. (1994) Christ Herodotean Kings and Historical Inquiry // Classical Antiquity. Vol. 13 (2). pp. 167–202.

Информация об авторе:

Найман Е.А. – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); Томский научный центр СО РАН (Томск, Россия). E-mail: enyman17@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Naiman E.A., D.Sc. (Philosophy), Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia); Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russia). E-mail: enyman17@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 24.10.2022; принята к публикации 11.11.2022

Received 24.10.2022; accepted for publication 11.11.2022